

Жюль Верн

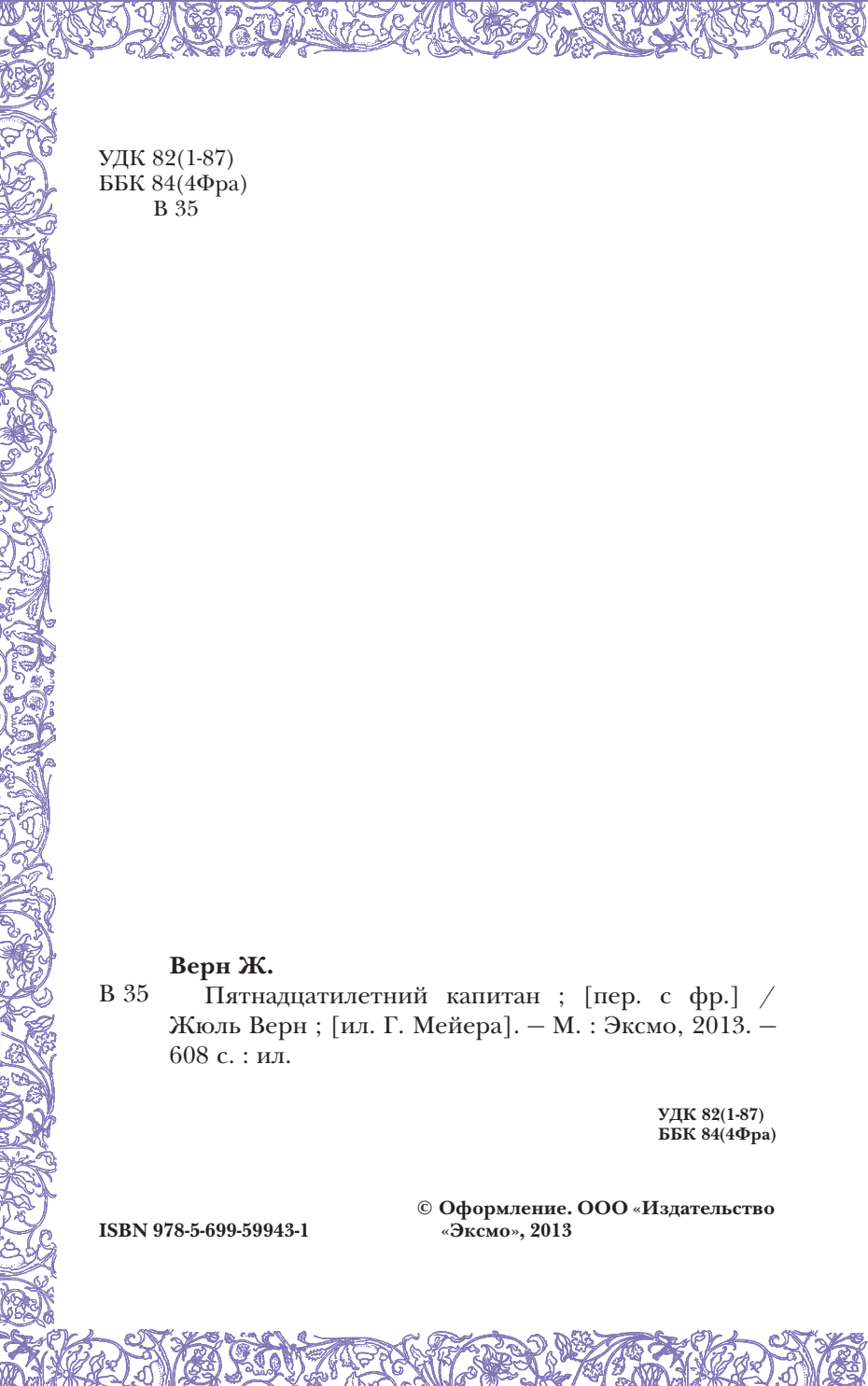
ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ КАПИТАН

Иллюстрации Г. Мейера

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)
В 35

Верн Ж.
В 35 Пятнадцатилетний капитан ; [пер. с фр.] /
Жюль Верн ; [ил. Г. Мейера]. — М. : Эксмо, 2013. —
608 с. : ил.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)

ISBN 978-5-699-59943-1

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая На палубе «Пилигрима»

В начале февраля 1873 года бриг «Пилигрим» находился под $43^{\circ}57'$ южной широты и $165^{\circ}19'$ восточной долготы по меридиану Гринвича.

Это китобойное судно, снаряженное в Сан-Франциско, принадлежало мистеру Джеймсу Уэлдону, сдавшему его около десяти лет назад под команду капитана Гуля. Несмотря на то что оно было одним из самых незначительных по величине, оно считалось

едва ли не лучшим судном большой флотилии, которую богатый калифорнийский арматор¹ посылал ежегодно через Берингов пролив до полярных морей — в одну сторону и от мыса Горн до Антарктического океана² — в другую.

«Пилигрим» был прекрасный ходок, смело пускавшийся в самые отдаленные и опасные экспедиции со сравнительно малочисленным экипажем. Его командир умел, как никто, справляться с теми плавучими ледяными горами, которые спускаются летом до Новой Зеландии и мыса Доброй Надежды, пока, постепенно уменьшаясь от теплых волн и взаимных столкновений, не исчезают окончательно в водах Тихого и Атлантического океанов.

Превосходный моряк и прекрасный гарпунщик, капитан Гуль сумел подобрать для своего судна не менее опытный экипаж.

Правда, находящихся на «Пилигриме» пять матросов нельзя было считать достаточной командой для китобоя, на котором люди нужны не только для управления судном и для охоты, но и для очистки, приготовления и укупорки добычи, — однако, по примеру многих американских судовладельцев, мистер Джеймс Уэлдон находил более выгодным набирать в Сан-Франциско только самый необходимый комплект матросов, рассчитывая на то, что в Но-

¹ Арматор — частное лицо, снаряжающее за свой счет судно для торговых операций, а в военное время — для захвата купеческих судов неприятеля.

² Антарктический океан — Южный Ледовитый океан, в противоположность Арктическому — Северному Ледовитому океану. (В современной картографии это название не употребляется. — *Прим. ред.*)

вой Зеландии всегда можно найти многочисленных моряков всевозможных национальностей (сплошь и рядом дезертиров с военных судов), которые охотно предлагают свои услуги китобойным судам. По окончании охотничьего сезона с ними рассчитываются по уговору, высаживают на берег в ближайшем порту и забывают об их существовании до следующего года. Все это было известно командиру «Пилигрима», решившему пополнить свою команду подобными случайными рекрутами, среди которых можно было найти немало превосходных моряков и опытных китоловов.

К сожалению, результаты экспедиции оказались на этот раз худшими, чем можно было ожидать. Охота за китами вообще становилась затруднительной. Слишком беспощадно преследуемые, киты начинают исчезать из этих широт, и охотникам приходится поэтому довольствоваться кашалотами, поимка которых далеко не безопасна. Да и тех «Пилигриму» встречалось так мало, что далеко не все его бочки были полны ворвани, а запас китового уса не покрывал и половины заказов. Раздраженный неудачей, капитан Гуль предполагал спуститься до берегов Земли Адели, открытых знаменитым командиром «Астролябии» Дюмон-Дюрвилем (что, к слову сказать, не мешает американцам приписывать честь этого открытия своему соотечественнику Уилксу), где, по рассказам старых охотников, еще встречаются целые стада китов; но в начале января, то есть задолго до окончания охотничьего сезона, добавочный экипаж «Пилигрима», набранный довольно неосторожно из людей более чем подозрительных, внезапно оказался недоволен своей службой. Надо было прежде всего изба-

виться от этих ненадежных «сотрудников», так как дальнейшее плавание в их обществе становилось небезопасным. Скрепя сердце капитан Гуль переменял курс и направился обратно к Новой Зеландии.

15 января он подошел к берегам Окленда и бросил якорь в Вайтемаре, в глубине залива Хаураки, где и высадил команду рыбаков, нанятых на весь сезон, но оказавшихся негодными и ненадежными.

Американская команда «Пилигрима» была крайне огорчена неожиданным окончанием экспедиции, да и самолюбие командира было не на шутку задето. Вернуться с неполным грузом казалось ему обидным, но попытка набрать новый дополнительный экипаж окончилась полной неудачей, ввиду того что все сколько-нибудь добросовестные охотники были уже разобраны. Пришлось волей-неволей считаться с обстоятельствами и объявить экспедицию оконченной. Проклиная в душе команду, непослушание которой поставило его в такое неловкое положение, капитан Гуль решил было уже окончательно покинуть Окленд, как вдруг непредвиденные события не только заставили его остаться еще на несколько дней, но и доставили «Пилигриму» новых пассажиров.

Миссис Уэлдон, жена собственника судна, ее пятилетний сын Джек и один из ее родственников случайно находились в Окленде, куда их привез сам Джеймс Уэлдон, обширные дела которого нередко призывали его на более или менее продолжительное время в различные портовые города Новой Зеландии и Австралии. Все семейство богатого коммерсанта рассчитывало уехать вместе, но, к несчастью, маленький Джек захворал в самый день отъезда настолько опасно, что озабоченный отец, не имея воз-

возможности отложить свое путешествие, от которого зависели хозяйственные интересы большой важности, предпочел оставить жену и сына под охраной вышеупомянутого родственника.

Три долгих тоскливых месяца прожила миссис Уэлдон в разлуке с любимым мужем. За это время сын ее настолько оправился, что здоровье его уже не могло служить препятствием к отъезду из Окленда. Оставалось только дожидаться случая для возвращения в Калифорнию, но случай этот мог заставить ждать себя довольно долго.

В то время Новая Зеландия еще не имела правильного и постоянного сообщения с Сан-Франциско, так что миссис Уэлдон должна была сначала переправиться в Австралию (в Мельбурн), оттуда на пароходе компании «Золотой век» доехать до берегов Панама и там уже дожидаться североамериканского пакетбота¹, совершающего регулярные рейсы во все порты Калифорнии. Все эти задержки и пересадки неприятны для каждого, тем более они были неприятны для молодой женщины, путешествующей с ребенком. Поэтому миссис Уэлдон искренне обрадовалась, узнав о случайном прибытии «Пилигрима», и немедленно обратилась к его командиру с просьбой принять на борт жену и сына собственника судна, а также сопровождающих их кузена Бенедикта и старуху Нан, верную няньку мальчика, всю жизнь прожившую в доме Джеймса Уэлдона. Перспектива сделать несколько тысяч морских миль на небольшом парусном судне, всего в четыреста тонн, ничуть не пугала

¹ Пакетбот — небольшое судно, совершающее регулярные рейсы между определенными портами.

миссис Уэлдон. Она знала капитана Гуля как опытного моряка, а «Пилигрим» — как прочное и быстроходное судно; знала также и то, что время года было самое благоприятное, обещающее попутный ветер и приятную свежесть во время прохода через тропический пояс.

Капитан Гуль немедленно предложил свою каюту в распоряжение путешественников, желая устроить жену своего арматора по возможности удобней на те тридцать или сорок дней, которые ей придется провести на китобойном судне, не приспособленном к перевозке пассажиров, а тем более дам и детей.

Единственным неудобством путешествия миссис Уэлдон явилась необходимость остановки в Вальпараисо (Чили), где «Пилигрим» должен был сдать свой груз, чтобы затем продолжать путь вдоль берегов Америки вплоть до Сан-Франциско. Это обстоятельство несколько замедляло приезд миссис Уэлдон домой, но она не боялась моря, к которому успела привыкнуть, сопровождая своего мужа в его многочисленных дальних путешествиях. В общем, она смотрела на прибытие «Пилигрима» как на более чем счастливую случайность и потому поспешила воспользоваться ею.

Что касается кузена Бенедикта, то он беспрекословно согласился на все, чего желала его молодая и энергичная родственница. Кузен Бенедикт — другого имени у него не было, так как все, не исключая случайных знакомых, неминуемо причисляли этого добрейшего человека к числу своих родственников, — кузен Бенедикт вообще не умел спорить и не соглашаться с кем бы то ни было. Ему и в голову не приходила мысль о возможности иметь собствен-

ную волю или поступить по собственной инициативе. Несмотря на свои пятьдесят лет, седеющую косматую голову и внушительные золотые очки, кузен Бенедикт оставался настоящим ребенком. Пустить его путешествовать без надзора было бы своего ро-

да преступлением. Миссис Уэлдон смотрела на него как на своего второго сына, который был лишь несколько старше и гораздо менее практичен, чем ее пятилетний Джек. Длинный, как жердь, не умеющий пользоваться своими большими, тощими руками, не умеющий ходить на спицеобразных ногах, кузен Бенедикт был великолепным образцом тех беспомощных ученых, которые способны прожить до ста лет и иметь не больше представлений о реальной жизни, чем грудной младенец. Он был похож на большое тонкое дерево, не дающее ни плодов, ни цветов, ни даже листьев. Добрейшее сердце кузена Бенедикта не позволяло ему пожелать кому-нибудь что-либо дурное; он рад был бы всем приносить пользу, но у него не хватало на это способностей. Каждая попытка кузена Бенедикта оказать услугу оканчивалась непременно какой-нибудь трагической катастрофой, так что в конце концов все просили его об одном: позволять другим заботиться о нем и самому не заботиться ни о ком и ни о чем. Тем не менее безобидного добряка все любили за его беспомощность и наивное, детски чистое сердце, полное одной страсти — привязанности к науке.

Кузен Бенедикт был ученым-естествоиспытателем, трудолюбие и прилежание которого давно вошли в пословицу у всех, знавших его лично или хотя бы только по слухам. Но жестоко ошиблись бы те, кто счел бы его американским Кювье, разделяющим животных на группы — аналитически — или воссоздающих их по какому-нибудь незначительному остатку — синтетически, одним словом, глубоким знатком одной из многочисленных отраслей всеобъемлющего естествоведения.

Кузену Бенедикту чужды были и геология, и ботаника, и минералогия, и астрономия.

Остается зоология, разделяющаяся, как всем известно, на четыре части согласно четырем главным подразделениям животного царства (позвоночные, моллюски, членистые и лучистые).

Но кузен Бенедикт относился с полным презрением к изучению позвоночных, будь то млекопитающие, птицы, рыбы или пресмыкающиеся.

С глубочайшим равнодушием проходил он мимо моллюсков и головоногих, тайны существования которых ни разу не привлекли его внимания.

Но, может быть, он изучал лучистых, приложив весь свой ум, все свое прилежание к открытию новых пород эхинодермов, полипов, губок или инфузорий?

Нет, надо сказать правду, и этот отдел зоологии оставил кузена Бенедикта совершенно равнодушным.

Что же изучал он с неутомимым рвением, поражающим всякого, кто знакомился ближе с добросовестным и прилежным ученым?

В области зоологии остается только одна ветвь — тип суставчатых, или членистых, — следовательно, нашему ученому не из чего было выбирать больше...

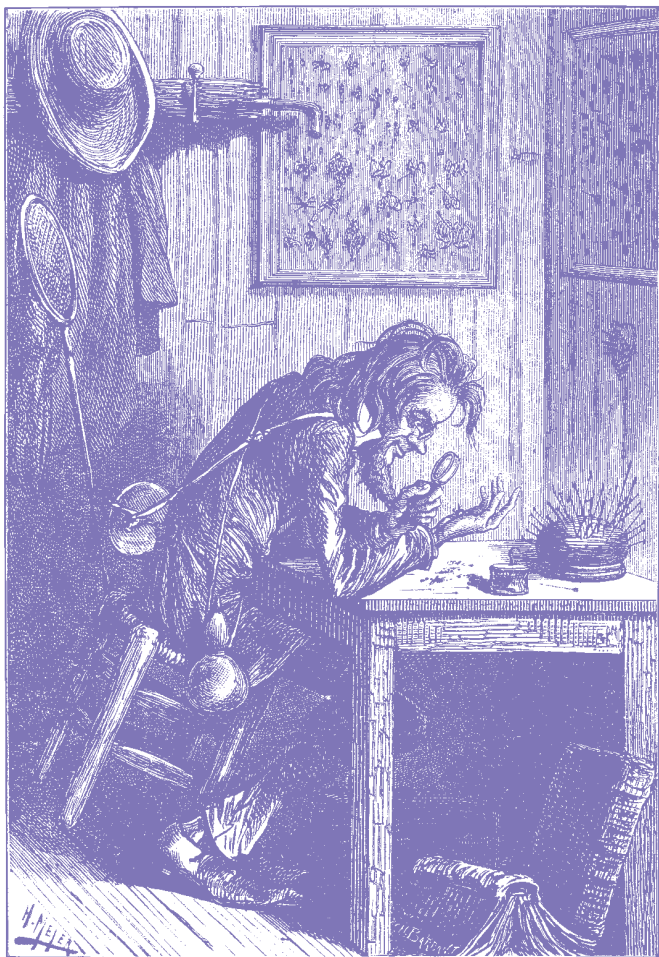
Так казалось бы, но кузен Бенедикт сумел специализироваться даже среди разновидностей одного этого типа. Из шести классов, на которые распадается тип суставчатых, его интересовал всего только один...

Он был энтомолог по принципу и увлечению, но какой энтомолог! Подобного ему специалиста нелегко было бы найти вторично.

Всем известно, что энтомологией называется часть естествоведения — или, точнее, зоологии, — специально занимающаяся насекомыми, то есть теми жи-

выми существами, тело которых состоит из членков, откуда и название: суставчатые, или членистые. И вот изучению этих-то насекомых кузен Бенедикт посвятил всю свою жизнь. Он не сумел бы отличить земляного червя от пиявки, домашнего паука от скорпиона, да, пожалуй, даже зайца от кошки или коровы от мула, но в области энтомологии он был как дома. Изучению ее он отдавал дни и ночи в буквальной смысле слова, так как его ночи были обыкновенно наполнены сновидениями, главную роль в которых играли те же его любимые насекомые. А так как в классе насекомых числится не менее 10 отрядов, то добросовестное изучение их легко могло наполнить целую жизнь скромного ученого. Богатство видов в отделе насекомых необычайно велико. Одних жесткокрылых (жуки) числится до 30 000, число двукрылых (комар, муха) доходит до 60 000, а еще остаются: прямокрылые (саранча, сверчок), перепончатокрылые (пчела), чешуекрылые (бабочки), полужесткокрылые, или хоботные (стрекоза, блоха), веерокрылые (моль).

Понятно, что кузен Бенедикт находил ежедневно новые предметы наблюдения, прогуливаясь по улицам городов или по полям, лесам и болотам. С каждой прогулки возвращался он со шляпой, утыканной булавками, прикалывающими какое-нибудь несчастное насекомое, предательски изловленное безжалостным ученым. Целый арсенал таких булавок постоянно украшал обшлага его сюртуков и пиджаков, а сетка для ловли насекомых не покидала его ни на минуту так же, как и коробка с пробковыми стенками, в которые вкалывались эти булавки с корчащейся на них добычей неутомимого охотника за шестиногими или членистыми... Страсть к энтомологии завлекла кузена Бенедикта и в Новую Зеландию, где он

обогатил свою коллекцию несколькими редкими экземплярами, и теперь вся его забота заключалась в том, как бы сохранить эту коллекцию невредимой во время долгого плавания, чтобы затем, по приезде в Сан-Франциско, разместить новоприобретенные эк-